

Рецензия на книгу: Когут К.С., Хрящева Н.П. Поэтика драматургии А.П. Платонова конца 1930 – начала 1950-х гг.

DOI 10.20339/PhS.2-20.138

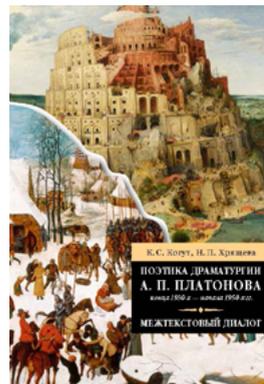
Год 2019 был объявлен в России годом театра и отмечен 120-летием со дня рождения Андрея Платонова. Словно предваряя эти два события, издательство «Нестор-История» в 2018 г. выпустило в свет научную монографию К.С. Когута и Н.П. Хрящевой «Поэтика драматургии А.П. Платонова конца 1930 – начала 1950-х гг.: межтекстовый диалог».

В последние десятилетия платоноведение значительно обогатилось благодаря тому, что стали доступными для изучения ранее неизвестные тексты Платонова. Тема «Платонов-драматург», требующая специального монографического исследования, с новой силой зазвучала в 2006 г., когда в издательстве «Вагриус» был издан том драматургии А.П. Платонова. Книга эта, ставшая событием в платоноведении, вызвала огромный интерес к писателю. Открытие и разработка новых контекстов — литературных, политических, научных, исторических и др. — ставит перед исследователями новые задачи.

Платонов не увидел своих пьес на сцене, ни одна не была напечатана при жизни автора. Индивидуальность писателя не вписывалась в правила жизни советского государства, в «обобщающий» контекст эпохи. Между тем пьесы Платонова — неотъемлемая часть его самобытного художественного мира.

Научное издание, авторами которого являются Константин Сергеевич Когут и Нина Петровна Хрящева, — это первая монография, посвященная драматургии Платонова. Пьесы рассмотрены в тесной взаимосвязи с творчеством писателя, а предпринятое исследование поэтики поздней драматургии «является первой попыткой их целостного прочтения» (С. 6)¹. А. Битов в предисловии к первому изданию пьес Платонова справедливо заметил: «Пьесы же его, если с них начинать знакомство с великим автором, могут оказаться подготовкой и ключом к открытию его основных, более сложных и глубоких текстов» (Платонов А.П. Ноев ковчег: Пьесы. М.: Вагриус, 2006. С. 7).

Каждое произведение Платонова можно и нужно рассматривать как часть единого смыслового поля, только тогда можно «дешифровать» скрытые смыслы, заключенные в тексте, увидеть пророческие предостережения, проникнуть в глубокие философские смыслы. Творчество Платонова существует в целом как единая книга. Каждое его произведение вбирает в себя отзвуки всего творчества. Именно поэтому тексты Платонова очень нуждаются в комментариях. Надо знать все творчество Платонова, чтобы понять одно конкретное произведение. С этой целью авторы монографии использовали для анализа пьес прозу, публицистику, письма, архив писателя — все то, что теперь доступно читателю.

Когут К.С., Хрящева Н.П.
Поэтика драматургии
А.П. Платонова конца
1930 — начала 1950-х гг.:
межтекстовый диалог.
СПб.: Нестор-История,
2018. 280 с.

Kogut K.S., Khriashcheva
N.P. Poetika dramaturgii
A.P. Platonova kontsa
1930 — nachala 1950-kh
gg.: mezhtekstovyy dialog.
St. Petersburg: Nestor-
Istoriia, 2018. 280 s.

ISBN 978-5-4469-1381-7

¹ Здесь и далее указаны страницы рецензируемого издания.

Предложенное научное издание — это тот ценнейший комментарий, который необходим для более полного, если это, конечно, возможно, проникновенного прочтения пьес Платонова.

В монографии подробно рассмотрены пьесы «Голос отца», «Волшебное существо», «Ученик Лицея» и «Ноев ковчег (Каиново отродье)», каждой из них посвящена отдельная глава. Другие пьесы Платонова («Дураки на периферии», «Шарманка», «Высокое напряжение», «14 красных избушек», «Без вести пропавший, или Избушка возле фронта») не удостоились столь пристального внимания исследователей, но речь о них неизбежно заходит при метатекстуальном анализе драматургии.

Художественное своеобразие пьес Платонова раскрывается с помощью синтеза различных методов исследования, таких как контекстуально-мотивного, микропоэтического, «генетического». Последний метод представляется исследователям очень перспективным для платоноведения: за ним они видят большое будущее, утверждая: «Глубинные “совпадения” и “наложения” одного произведения на другое при огромной временной дистанции могут быть выявлены только благодаря вниманию к едва заметным деталям, нескольким словам из реплик, микрофрагментам, частным случаям» (С. 29).

При анализе пьес исследователи обращаются к фольклорным, библейским, литературным контекстам. Пушкинскому контексту в работе уделено значительное внимание. И это, конечно, не случайно. «Именно пушкинским творчеством индуцирована идея человеческого “самостоянья” как путь к Спасению», — сказано в монографии (С. 266). Пушкинская тема была родной Платонову. Пушкин проходит через все творчество писателя, являясь одной из главных фигур самоопределения. «Сквозь образ Пушкина-ученика Лицея “проступает” другой образ — творца пьесы, подводящего итоги жизни путем осмысления трагического опыта современности и своей личной трагедии» (С. 174).

Библейский контекст, библейские реминисценции помогают авторам монографии заглянуть в глубинные пласты платоновского мировоззрения. Так, показательна отмеченная авторами параллель платоновской пьесы «Голос отца» с литературным творчеством святителя Игнатия Брянчанинова, в частности с его лирической миниатюрой «Голос из вечности (дума на могиле)». Подробно анализируя оба текста, авторы приходят к мысли «о мировоззренческой близости двух разных художников, основанной на христианском исповедании» (С. 50) и определяют сходные интенции в образотворчестве.

При анализе пьесы «Голос отца» К.С. Когут и Н.П. Хрящева подчеркнули важность биографического контекста, который показал личную трагедию А. Платонова, связанную с арестом несовершеннолетнего сына и ссылкой его на ГУЛАГ. А полемика Платонова с «несправедливой властью» восходит в пьесе, по мнению авторов монографии, к пушкинскому «самостоянью», аллегорично отсылающему читателя к пушкинскому стихотворению «Андрей Шенье». По мнению исследователей, Платонов невольно проецировал пушкинского «зверя» на сталинские репрессии. Пушкинский контекст таким образом дополняет социально-политический контекст пьесы, обнажает его глубинный смысл. Трагедия забвения в пьесе понята художником не только как историческая, но и как духовная катастрофа. Анализируя древнерусский контекст пьесы, в частности мотив бесовства, исследователи опираются на теорию ассоциативного фона и приходят к выводу о создании Платоновым образа Служащего-беса, слова и действия которого восходят к поведению данной «нечисти» в классических текстах древнерусской литературы. «Подобно бесам, преследующим святых, платоновский Служащий способен действовать одновременно во взаимоисключающих направлениях — строить и разрушать, “строить обратно”. Эти действия приносят только вред и ведут к уничтожению кладбища как священного места, что проявлено мотивом забвения и мотивом уничтожения могил» (С. 96–97).

Всесторонне проанализированный исследователями мотив терпения / смирения — один из наиболее важных у А. Платонова, он проходит через все творчество писателя. Рассмотренный в пьесе «Ученик Лицея» мотив юродства позволил авторам монографии сделать

вывод о том, что образы Маши и Феклы опираются одновременно на несколько традиций: «сказочно-архетипический смысл образа “контаминируется” с древнерусской традицией, понимающей юродство в свете православной культуры» (С. 226). Большое внимание уделено сказочному контексту в пьесе «Ученик Лицея», где сказочное является образно-смысловым ядром, определяющим ее жанровое своеобразие.

Мистерия-фарс «Ноев ковчег», по мнению авторов научного труда, позволяет увидеть новый этап художественных размышлений Платонова. Это последнее незавершенное произведение Платонова звучит словно завещание современникам и потомкам. В полной мере смысл «Ноева ковчега», по замечанию исследователей, открывается лишь в контексте всей драматургии А. Платонова и творчества в целом. Сосредоточившись на лейтмотиве чужеземства, отражающем эволюцию платоновского мировидения, а также на философских размышлениях Платонова о современной цивилизации как тупиковом пути человечества, авторы попытались представить «Ноев ковчег» как заключительную часть трилогии, в которой выстраивается «контрапункт художественно-эстетической эволюции Платонова: “Шарманка” — социальная сатира, “14 красных избушек” — трагедия, написанная языком абсурда, “Ноев ковчег” — мистерия-фарс» (С. 249). В заключение К.С. Когут и Н.П. Хрящева анализируют два потока в русской литературе XX в. на примере рассказа Л. Леонова «Уход Хама» и пьесы А. Платонова «Ноев ковчег». Находясь на значительной дистанции один от другого как по времени написания (1922 и 1951 г.), так и по дате публикации (1926 и 1993 г.), эти два текста, по мнению исследователей, «случайным» или не совсем случайным образом дополняют друг друга. Библейская легенда о всемирном потопе под пером Платонова травестируется, превращается в мистерию-фарс, «где акцентируется разрыв поколений, небратские отношения между народами и государствами в качестве главной беды, сулящей гибель всему миру» (С. 262), а Леонов, наоборот, «инверсирует библейское сказание и представляет бытие человека изначально греховным», но, по мнению авторов научного труда, «они (Леонов и Платонов. — Е. К.) комментируют друг друга в поиске ответа на общий вопрос: как спасти человечество от непрекращающегося апокалипсиса? Образ потопа становится символом разобщенности живущих на земле людей, тупиковости “прогрессивных” путей, которыми пошло человечество и современная цивилизация. И потому каждый последующий виток истории, основанный на несправедности предшествующего, будет скатываться в “глубины и пустоты”» (С. 262).

Авторы монографии делают справедливое замечание: «в условиях сталинского режима изобразить трагическую современность и свою собственную трагедию в подцензурных границах Платонов мог, лишь прибегнув к поэтике тайнописи» (С. 181). Контекстуальный анализ пьес позволил авторам прочесть тайнописный слой рассматриваемых произведений, наметить художественно-философскую эволюцию Платонова-драматурга. Борьба с ложной, односторонней картиной действительности и желание выйти за узкие дневниковые и эпистолярные рамки, неизбежно приводили Платонова к зашифровыванию смысла. Цензура между тем часто становилась фактором развития художника, поскольку многие новые тексты А. Платонова появились в результате запрета предыдущих произведений.

Прочтение пьес Платонова в метатекстуальном ключе ценно тем, что позволяет проследить возвращение художника к образам, идеям, смыслам уже написанных текстов, показывает взаимосвязь всего творчества писателя, выявляет сквозные образы, такие как образы отца и сына, родителя и дитя, невесты и жены, иностранца, а также сквозные мотивы — мотивы памяти, забвения, казни, мученичества, смерти, жертвенности, юродства, терпения, еды и др. Каждый из названных образов и мотивов подробно проанализирован в монографии.

При рассмотрении поэтики драматургии Платонова авторы наметили линии метатекстуальных схождения, сопоставляя пьесы с прозаическими произведениями писателя, использовали весь инструментальный анализ преимущественно прозаической речи — сквозные мотивы, образы, символы. Но особая драматургическая речь требует и иного инструментария и языка описания, чтобы интерпретация сцен, диалогов, психологических состояний персонажей не выглядела «прозаически».

Большее внимание, по мнению автора настоящей статьи, стоило бы уделить характеру конфликта пьес Платонова, типологии его героев, анализу специфической драматургической формы, роли и особенностям ремарок, проблемам пространства и времени в пьесах. Безусловный интерес представляют жанровые и жанрово-родовые модификации, сценарный опыт Платонова.

Разумеется, данная монография не претендует на всеобъемлющую полноту, но она значительно обогатилась бы, если бы авторы рассмотрели пьесы А. Платонова не только в контексте прозы, но и в контексте русской драматургии 1920–50-х гг. Заявленный в названии монографии межтекстовый диалог предполагает такое исследование. Плодотворным было бы рассмотрение пьес Платонова в контексте драматургии М. Булгакова, Л. Лунца, Д. Хармса, Н. Эрдмана, А. Афиногенова, В. Шкваркина, Т. Майской, А. Завалишина и др. Хочется надеяться, что авторы не остановятся на достигнутых результатах и продолжат свои научные изыскания.

Монография, адресованная специалистам-филологам, написанная живым доступным языком, будет интересна и читателю, интересующемуся наследием А. Платонова и русской литературой XX в.

Обширный библиографический список свидетельствует о метатекстуальности самого предпринятого научного исследования. Находясь в кругу других исследований творчества Платонова, представленная работа сама становится органической частью платоноведения, дополняя и расширяя наши представления о писателе-философе. Монография К.С. Когута и Н.П. Хрящевой не исчерпывает темы «Поэтика драматургии Платонова», но наполняет ее новыми исследовательскими контекстами и авторскими решениями.

Кудрина Елена Викторовна,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук

Kudrina Elena V.,

Candidate of Philology, Senior Researcher,
Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

e-mail: kelenvik@yandex.ru

